

13 ИЮЛ 1967

г. Киев

Газета №

ЗРИТЕЛИ выходили из просмотрового зала притихшие. Каждый думал о чем-то своем.

Фильм «Цыган» взволновал всех. Это история человека, у которого война отняла самых дорогих ему людей: любимую жену, ребенка, отца. История человека большого, сильного и очень одинокого. Он ушел из табора, когда понял, как нелепы и дики его законы. Но и в казачьем хуторе на Дону, где поселился, отвоевав Отечественную, сердце его, раскрытое в своей доброте и любви к людям, бьется тревожно.

И вдруг он находит сына. Человек

такими, какими создал их талант актера.

Мне рассказывали: когда шел просмотр «Поднятой целины» и на экране появился Нагульнов, Михаил Шолохов, присутствовавший в зале, прикрыл глаза ладонью. Те, кто видел этот жест, решили: не похож, не тот. Едва закончился просмотр, все услышали:

— Где Нагульнов? Я хочу его видеть!

О Нагульнове Евгений Матвеев говорит:

— Это моя философская точна зрения на жизнь.

мне интуиция, чутье художника. Сам сценарий не был доведен до желаемого уровня. Не разработаны до конца мучительные размышления Клавдии, как быть с сыном: отдать — не отдать?

Писателю легче — не понравилось то, что написал, порвал, выбросил, пиши заново. Режиссер в своем творчестве зависит от многих — от оператора, художника, антеров. Сама съемка на натуре ограничена временами года, сроками.

Фильм не дает мне оснований быть полностью удовлетворенным. По моему замыслу, он должен быть более ярким, страстным, он должен потрясать, а он только волнует...

Только волнует... Но разве этого мало? Да ведь здорово, если произведение не оставляет равнодушным, заставляет переживать, будоражит чувства!

— Все, что я не сумел сделать в «Цыгане», я восполню в другом фильме, — продолжает Евгений Матвеев. — Буду добиваться выразительности и совершенствования мастерства. Чтобы каждый кадр нес глубокую нагрузку, философский смысл. Я очень полюбил Будулая, но в этой любви мы скорели оба. Второй раз я уже не смог бы делать этот фильм.

Мне вспоминается пляска цыгана — одна из самых сильных сцен в фильме. В ней вся боль исстрадавшейся души, ее благородство, ее широта и... одиночество. Артисту советовали, чтобы вместо него плясал дублер. Но Евгений Матвеев отказался наотрез.

— Дублер вместо артиста — да это для меня все равно, что протез руни, пальца. Это уже не мое. А для того, чтобы всецело отдаться своему герою, я должен быть им даже в мелочах.

Евгений Матвеев глубоко убежден, что интеллектуализм, ставшим в последнее время модным в кинематографе, часто прикрывают отсутствие больших мыслей, великой простоты, глубоких чувств и заявляют, что это — новаторство. Но новаторство, уводящее искусство от зрителя, — вредное и опасное дело.

— В любой трагедии Шекспира с десятками убийств все равно ощущаешь стремление поднять, возвысить личность. В некоторых «новаторских» фильмах, где нет, казалось бы, ни одного убийства, вместе с тем, угнетается, принимается личность. Облегчить человеку жизнь через смех, слезы, раздуть, что он должен жить, бороться, потому что он — мыслящее существо. Когда я вижу такие произведения, я благодарен тем, кто их создал. Я за искусство, которое делает человека красивым, благородным. В этом я вижу гуманизм искусства.

...В 1951 году Евгений Матвеев пришел в Государственный Малый театр Союза ССР. Выбрал он его за верность высоким романтическим традициям. За семнадцать лет он создал великолепные образы, сыграл десятки ролей. Параллельно снимался в кино.

— Театр и кино — две мои души, и обе болят, — говорит Евгений Матвеев. — Я должен слышать дыхание и пульс зрителя через рампу. А кино дает мне возможность заглянуть к тем, кто никогда не придет в театр. Мне хочется не отрываться от театра и работать в кино...

Чтобы создавать искусство, которое потрясает. Этого актер не сказал, но это его концепция.

Потому что если искусство не потрясает — то зачем оно?!

Е. РЫБИНА.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ ХУДОЖНИКА

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ

благородный, он не хочет причинить боль женщине, которая вскормила и воспитала его ребенка и которую, если бы позволила, он любил бы со всей преданностью. Но как отказаться от сына?

— Живут долго только те, у кого есть дети. Им нужно поставить их на ноги. А мне зачем? — говорит он.

Но после встречи с сыном он обязан долго жить. Только — как теперь ему жить?...

В роли цыгана Будулая из новой картины Киевской киностудии имени А. П. Довженко снова, но совершенно необычно проявилась мощь таланта народного артиста РСФСР Евгения Матвеева.

Нагульнов, Нехлюдов... Федотов в «Родной крови»... Будулай. Разные люди, разные эпохи, но есть какая-то нравственная преемственность всех этих образов.

— Борьба за самого себя порядочно, лучшего — это меня больше всего волновало в Нехлюдове, — рассказывает Евгений Матвеев. — Духовный мир человека, который жертвует своим счастьем во имя другого.

Когда экранизируются широко известные произведения, артистам и режиссеру предстоит, пожалуй, самая трудная встреча — со зрителем-читателем. Тысячи, миллионы ждут появления на экране своего собственноручно, выношенного Болконского, Наташи, Нехлюдова, Мелехова, Нагульнова. И, конечно же, трудно угодить на всех. Из сотен людей, сидящих в зрительном зале, только вообразению некоторых будет соответствовать портретное сходство героя на экране. А вот если по окончании фильма зритель говорит: «Да, это он!» — значит актер сумел так раскрыть этот образ, так перевоплотиться, что внутренний мир литературных героев предстает перед зрителем в своем первоизданном виде. Он верит им и принимает

Талант притягивает, как магнит. Встреча с талантливым человеком всегда радует, всегда оставляет след в жизни. Талант в искусстве делает человека красивее и благороднее. А если актер не только обладает чудесным даром перевоплощения, а и высокой культурой, глубоким интеллектом, душевным благородством!

В Воронеже после показа кинокартины «Родная кровь» состоялась встреча со зрителями. Евгений Матвеев получил записку: «Прошу вас, не читайте вслух. Я чувствую себя подонком. Но теперь я знаю, я вернусь к своим детям».

— Даже ради этого одного человека, ради тех детей, которых он оставил, стоило создавать картину, — волнуется Евгений Матвеев. — Это высокая моральная проблема, и важно о ней говорить сегодня. Я сам рос без отца. Оттого мне близка и понятна эта тема, оттого она меня тревожит.

Мы почему-то стесняемся говорить о любви. Но что может быть прекраснее чистоты отношений между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми? Мы в полный голос говорим с экраном об инициативе, творчестве, энтузиазме. И шепотом — о любви. Но без любви все ничего не значит. Поэтизировать любовь, женщину, красоту человеческих отношений — это же одна из целей искусства. После демонстрации фильма «Родная кровь» я получил около двух тысяч писем. Все они отличались искренностью, авторов волновали эти же проблемы. Человека нужно сделать счастливым.

В «Цыгане» он пытался дать ответ на извечный вопрос: как жить человеку? каким быть? «Цыган» — его новый актерский взлет. И первая режиссерская работа в кино. Удалась ли она, об этом скажет зритель, но режиссер, пожалуй, лучше других знает свои просчеты и промахи.

— С первой картиной многое постигаешь, — размышляет он. — Все в первый раз, все достается нелегко. Я многое недобрал, но все-таки брал то, что хотел, то, что подсказывала